
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2026.01.04

РАКОВ А.А.¹ «ОБРАЗЧИК СВОЕВОЛИЯ И ЧУДЕСНОСТИ ПРИРОДЫ»: ОБРАЗ БАХЧИСАРАЯ В КРЫМСКИХ ТРАВЕЛОГАХ П.И. СУМАРОКОВА[©]

Аннотация. В статье рассматриваются особенности описания Бахчисарая в крымских путешествиях П.И. Сумарокова. Бахчисарай, в отличие от многих других городов Крыма, почти не подвергся разрушениям и сохранил былое величие, напоминая о своем прошлом. Исследование показало, что описание Бахчисарая – бывшей столицы Крымского ханства – с одной стороны, помогает раскрыть религиозные и этнические особенности города: Сумароков повествует о повседневной жизни татар (посещение бани, общая молитва) и об их традициях, обрядах на примере татарской свадьбы; с другой стороны, именно с Бахчисараем связано восхваление автором «премудрой Законодательницы» Екатерины II. Сумароков, посещая Ханский дворец, восторгается его красотами, особенностями архитектуры, древнейшей историей, но подлинное благоговение испытывает лишь оттого, что именно здесь в 1787 г.

¹ **Раков Андрей Алексеевич** – учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории, МАОУ «Школа № 79 имени Николая Алексеевича Зайцева». Соискатель гуманитарных наук, кафедра русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина. Россия, Нижний Новгород; ORCID: 0009-0000-1488-3332; SPIN-код: 4212-8723; rane496@mail.ru

© Раков А.А., 2026

**«Образчик своеволия и чудесности природы»: образ Бахчисарая
в крымских травелогах П.И. Сумарокова**

останавливалась великая императрица – «северная богиня, мать, благотворительница россов».

В исследовании также анализируются особенности восприятия П.И. Сумароковым городских локусов Бахчисарая, подчеркиваются гражданственность и патриотизм автора сентиментального путешествия в размышлениях о дальнейшей судьбе края после присоединения полуострова к России.

Ключевые слова: Бахчисарай; крымский текст; П.И. Сумароков; травелог; имагологический подход.

Для цитирования: Раков А.А. «Образчик своеволия и чудесности природы»: образ Бахчисарая в крымских травелогах П.И. Сумарокова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2026. – № 1. – С. 90–106. – DOI: 10.31249/lit/2026.01.04

Поступила: 25.04.2025

Принята к печати: 15.12.2025

РАКОВ А.А.¹ “An example of self-will and the wonderfulness of Nature”: the image of Bakhchisarai in the Crimean travelogues by P.I. Sumarokov[©]

Abstract. The article examines the features of the description of Bakhchisarai in the Crimean travels of P.I. Sumarokov. Bakhchisarai, unlike many other cities in Crimea, was almost not destroyed and retained its former greatness, reminding of its past. The study showed that the description of Bakhchisarai, the former capital of the Crimean Khanate, on the one hand, helps to reveal the religious and ethnic features of the city: Sumarokov tells about the daily life of Tatars (visiting baths, common prayer) and about their traditions, rituals using the example of a Tatar wedding; on the other hand, it is with Bakhchisarai that the author’s praise of the “wise Legislator” Catherine II is connected. Sumarokov, visiting the Khan’s Palace, admires its beauties, architectural features, and ancient history, but he is truly awed only by the

¹ **Rakov Andrey Alekseevich** – Teacher of Russian language and literature of the highest qualification category, MAOU “School No. 79 named after Nikolai Alekseevich Zaitsev”. Applicant, Faculty of Humanities, Department of Russian and Foreign Philology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. Russia, Nizhny Novgorod; ORCID: 0009-0000-1488-3332; SPIN: 4212-8723; rane496@mail.ru

© Rakov A.A., 2026

fact that the great Empress, “the northern goddess, mother, and benefactor of the Rosses,” stayed right here in 1787.

The study also analyzes the peculiarities of P.I. Sumarokov’s perception of the urban loci of Bakhchisarai, emphasizes the citizenship and patriotism of the author of the sentimental journey in thinking about the future fate of the region after the annexation of the peninsula to Russia.

Keywords: Bakhchisarai; Crimean text; P.I. Sumarokov; travelogue; imagological approach.

To cite this article: Rakov, Andrey A. “‘An example of self-will and the wonderfulness of Nature’: the image of Bakhchisarai in the Crimean travelogues by P.I. Sumarokov”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 1, 2026, pp. 90–106. DOI: 10.31249/lit/2026.01.04 (In Russian).

Received: 25.04.2025

Accepted: 15.12.2025

Род Сумароковых, «представители которого служили Отечеству и пером, и шпагой» [Сумароков, 2022, с. 3], известен в России в первую очередь благодаря знаменитому писателю и драматургу Александру Петровичу Сумарокову (1717–1777). О его племяннике, Павле Ивановиче Сумарокове (1767–1846), известно гораздо меньше; например, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона можно встретить лишь такую лаконичную заметку: «Сумароков (Павел Иванович) – писатель, сенатор и член Российской академии» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1901, с. 59]. Сумароков большую часть своей жизни занимался государственной деятельностью: служил сначала в чине коллежского советника, позже занимал должность губернатора Витебска (1807–1812) и Новгорода (1812–1815). Павел Иванович является автором книг по истории и краеведению: «История Новгорода» (1815), «Черты Екатерины Великия» (1819), «Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году» (1839). Однако самыми популярными его сочинениями стали крымские тревелогии: «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест» (1800), «Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (1803–1805).

После выхода в свет «Писем русского путешественника» (1791–1792) *русского Стерна* – Н.М. Карамзина – жанр сентиментального путешествия всё чаще стал привлекать авторов тревело-

гов, а путевые заметки появлялись в печати в большом количестве; для писателей-сентименталистов была важна «личная сопричастность к действительности чужих стран» [Шёнле, 2004, с. 7]. Путешествия Сумарокова, на наш взгляд, отражают общие тенденции развития сентиментальной прозы того времени, а также сочетают в себе черты беллетристики и документализма. Для книг П.И. Сумарокова характерно влияние художественного сознания предромантизма и сентиментализма: идеализация природы, диалог с читателем, установка автора на «приятный слог» [Соловьев, 2011, с. 2], восхваление «естественного человека», эмоциональный отклик на увиденное, преобладание чувств при описании и исследовании местности.

Однако спор о жанровом своеобразии рассматриваемых текстов (как и в целом спор о принадлежности подобных травелогов к художественной литературе) остается открытым и нерешенным. Так, одни авторы справедливо относят крымские травелоги Сумарокова к научным очеркам путешественников [Куликова, 2008; Жданов, 2024]; в других исследованиях с такой же убедительностью доказывается обратное: книги Сумарокова – яркий пример «сентиментального путешествия», наследующего традиции Л. Стерна и Н.М. Карамзина [Курьянов, Рыжман, 2014; Пантелеймонова, 2017; Крюкова, 2018; Галушко, 2021; Раков, 2023]. Существует также корпус статей, в которых исследователи пытаются нивелировать данные противоречия [Ситникова, Руднева, 2023; Ситникова, Руднева, 2024; Сластен, 2024], настаивая на том, что в произведениях «П.И. Сумарокова художественное и документальное начала сосуществуют в гармонии, уравнивая друг друга» [Ситникова, Руднева, 2023, с. 63], а автор «выступает в своих записках как бы в двух ипостасях» [Сластен, 2024, с. 68]. Н.В. Никульшин называет «Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» первым путеводителем по Крыму [Никульшин, 2024]. О.В. Мамуркина, отдельно останавливаясь на пейзажных зарисовках в первом путешествии Сумарокова, определяет жанр как роман-травелог и подчеркивает, что в тексте «ощутимо влияние “Писем русского путешественника” Карамзина» [Мамуркина, 2015, с. 225]. О.А. Фарафонова доказывает, что в «Досугах...» сочетаются «классицистические и сентиментальные тенденции» [Фарафонова, 2017, с. 75]. Наконец, Е.А. Каганова намеренно отказывается причислять тексты к сентиментальной традиции и, пользуясь терминологией Е.Р. Пономарева, называет

второе путешествие Сумарокова «имперским», государственно ориентированным травелогом [Каганова, 2019, с. 151].

Целью данной статьи не является примирение противоречий, сложившихся на сегодняшний момент в отечественном литературоведении. На наш взгляд, они трудноразрешимы. Примечателен и тот факт, что почти во всех исследованиях по данной теме рассматривается лишь один конкретный травелог Сумарокова, а выявить и сопоставить особенности восприятия Тавриды путешественником во время первой поездки и во время второй авторы не пытаются. Наша задача – заполнить эти лакуны и при помощи имагологического метода проанализировать описание локусов, репрезентирующих пространство конкретного города – Бахчисарая. Материалом для исследования служат оба крымских травелога Сумарокова.

Первую поездку в Крым П.И. Сумароков совершает в 1799 г., движимый желанием «употребить праздные часы» [Сумароков, 2012, с. 45] себе на пользу. Во второй раз он отправляется в Тавриду в качестве государственного служащего, судьи: первые впечатления о полуострове, во многом «эмоциональные и восторженные, сменяются более глубокими, внимательными и ответственными суждениями» [Сумароков, 2022, с. 32]. Оба текста не теряют своей актуальности сегодня и представляют особый интерес для исследователей; без преувеличения можно сказать, что Сумароков был одним из первых в литературе, кто открыл полуостровный край российскому читателю. Отметим, что для автора травелога была важна «идея естественного равенства людей» [Фарафонова, 2017, с. 76], проявляющаяся в уважении к другим религиям, традициям, обычаям; заметным отличием от других сентиментальных путешествий того времени также становится «пафос государственной пользы» [Соловьев, 2011, с. 12]. Забота о процветании Крыма под флагом Российской империи, решение важных вопросов экономики полуостровного края, размышления о миграционных процессах – все это волнует автора и находит отражение в рассматриваемых травелогах.

Павел Иванович Сумароков увидел Крым еще не в восстановленном виде, что неоднократно подчеркивается самим автором на страницах книг. Крымские города, хранящие многовековую историю полуострова, пришли, по словам Сумарокова, в упадке своей славы «под Российскую державу» [Сумароков, 2012, с. 84]. Исключением стал Бахчисарай, некогда являвшийся столицей Крымского ханства и представший перед путешественником горо-

дом, который сохранил прежнюю роскошь и величие. Рассмотрим локусы, пользующиеся особым вниманием отечественного путешественника, а их выбор соотнесем с установкой автора, желающего познать «культурный код» территории.

Впервые побывав в Бахчисарае в 1799 г., Сумароков начинает описание города со статистических данных и сообщает о том, что здесь насчитывается всего лишь несколько греческих и армянских церквей, «2 еврейские школы», но *33 мечети*. Преобладание татар подчеркивается и подсчетом общего количества жителей: на 6777 человек «обоего пола» приходится «только 7 русских» [Сумароков, 2012, с. 131]. В момент первого пребывания Сумарокова в Крыму с полуострова уже депортировали 30-тысячную колонию христиан (армян и греков), основав для переселенцев «города Мариуполь и Мелитополь» [Сумароков, 2012, с. 133]. Русские же еще массово не переселились в города Тавриды, отсюда опустение края, о котором сожалеет автор травелога. Сумароков, называя идею переселения благоразумной, признается в том, что «Россия поспешила» с депортацией и по прошествии пяти лет «деревни претворились в развалины, сады – в запущенные леса, ремесла, промышленности – в тунеядство» [Сумароков, 2022, с. 123]. Как отмечают очевидцы, разорение края было также связано с казнокрадством и взяточничеством. Дмитрий Борисович Мертваго, вступивший в 1803 г. в должность гражданского губернатора Тавриды, пишет в своих мемуарах о разорении казны и пагубном влиянии олигархии. По словам Мертваго, «целый край, привыкший видеть богатеющих правителей соляных озёр, смотрел» [Мертваго, 2006, с. 117] на него как на вора, когда он стал устранять старые порядки, позволяющие обогащаться местным олигархам.

Бахчисарай оставался в полной мере мусульманским городом, являясь неким символом покорения татар. Во время второго путешествия Сумароков будет настаивать на том, что «сближение победителей с побежденными необходимо» и что каждый татарин, «ведающий по-русски, оказывает более кротости, добронравия и дружелюбия» [Сумароков, 2022, с. 126]. Бахчисарай в глазах Сумарокова является неким *городом-трофеем*, который достался победителям в уцелевшем виде после войн и «превосходит все прочие города» [Сумароков, 2012, с. 132] Крыма.

Попадая на татарский рынок, Сумароков характеризует его как «сборище всего мужского пола»; женщин же встретить там нельзя, поскольку они «имеют право проходить только переулками» [Сумароков, 2012, с. 133]. Впечатляет путешественника и ре-

месленное производство татар, когда на базаре товары из кожи или металла изготавливаются на глазах покупателя. При этом из каждой лавки «выходят табачные облака» [Сумароков, 2012, с. 132], что заставляет Сумарокова назвать весь полуостров курительным царством. С интересом чужестранца наблюдает автор травелога и за обычаями местных жителей: общее омовение на улицах у фонтана, призыв муллы на молитву в полдень. С удивлением рассказывает путешественник читателю и о том, что не смог «ни за какие деньги» остановиться переночевать у мусульман и что ему пришлось «просить о том полицеймейстера» [Сумароков, 2012, с. 132]. Объяснить подобное поведение можно нежеланием магометан пускать в свое жилище иноверцев. Подобный пример религиозной нетерпимости описывается в другом крымском травелоге первой трети XIX века – путешествии Д. Уэбстера, который посетил полуденный край в 1827 г.; автор рассказывает историю о том, как один еврей отказался покупать у путешественников птицу, поскольку она была убита «руками христиан» [Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер ..., 2016, с. 97].

В центре внимания автора как во время первой, так и во время второй поездки оказывается главная архитектурная достопримечательность города – *Ханский дворец*. Первый раз Сумароков посещает его в сопровождении полицеймейстера и отмечает «необыкновенную красоту» [Сумароков, 2012, с. 134] строения. В подробностях описывает путешественник вход, крышу, два больших мраморных фонтана, зал Совета и суда, где раньше заседал хан. И всё же, подчеркивая роскошь и богатство Ханского дворца (бархатные подушки, блестящие золотом потолки и стены, «великое число комнат», витражные стекла, дорогие ковры, величественные сады), Сумароков далек от восторженных похвал, это заметно в заключительных строках описания: «...все дышит тут роскошью, негой и сладострастием» [Сумароков, 2012, с. 135]. Данная последовательность лексем, на наш взгляд, представляет не столько ряд однородных членов, сколько прием градации. В этом ряду компоненты не просто перечисляются, но имеют причинно-следственную связь, где признак нарастает с каждой новой лексемой: роскошь – нега – сладострастие. Если первые два слова предполагают как положительную, так и отрицательную коннотации, то лексема «сладострастие», хоть и имеет переносное значение, но в первую очередь указывает на «сильное влечение к удовлетворению полового чувства, чувствительность» [Ожегов, Шведова, 2004, с. 728].

Сумароков, являясь не только представителем иной культуры, но и носителем христианских ценностей, явно осуждает некоторые обычаи мусульман, в частности многоженство и содержание наложниц. Во втором путешествии эта характеристика выражена с еще большей категоричностью, описание гарема вновь оканчивается лексемой «сладострастие», обозначающей в православной культуре грех: «Тут зависть заменяла страсть; тут самовластный повелитель, не быв любовником, то чинил разбор прелестям, то назначал невинность в жертву своему сладострастию» [Сумароков, 2022, с. 112]. Далее Сумароков пишет о том, что раньше в Ханском дворце всё «дышало унижением россов, все напоминало о их порабощении, стыде». Но теперь данное пространство наделяется почти сакральными чертами, «освящается» в глазах автора тем, что здесь присутствовала сама императрица: «...и я с благоговением шествовал по следам, освященным дражайшими ее стопами» [Сумароков, 2022, с. 112].

Рассмотрение подобных высказываний в свете имагологического подхода позволяет увидеть особенность авторского взгляда на вещи по характерному для любого травелога принципу «свое» – «чужое». Путешественнику, который попрощался с родным краем, «сложно преодолеть не столько внешние границы, сколько рубежи культурно-психологические» [Киселев, Васильева, 2015, с. 26]. «Свое» у Сумарокова имплицитно репрезентируется христианскими добродетелями (кротость, смирение, милость к врагам), важными для русской культуры. Этим выражается *культурное бессознательное* отечественного путешественника, которое понимается нами не как всеобщие бессознательные модели (К.Г. Юнг), но, вслед за И.А. Есауловым, как «сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий цѣлый шлейф культурных послѣдствий, вплоть до тѣхх или иныхх стереотипов поведения» [Есаулов, 2020, с. 16]. Репрезентантом «чужого» в травелогах Сумарокова служат обычаи и традиции крымчан разных национальностей, но в особенности иноверцев – татар и карачаевцев.

При описании прошлого и будущего не только Ханского дворца и Бахчисарая, но и Тавриды антитеза является ведущим приемом. Это наглядно видно при выделении главных лексем.

«Чужое»	«Свое»
– зависть,	– любовь,
– страсть,	– слава,
– порабощение,	– благоговение,
– стыд,	– усердие,
– самовластный повелитель,	– мудрая государыня,
– сладострастие,	– кротость, милость,
– злоумышления хана «против России».	– превознесенная героиня,
	– богоподобная жена.

Еще раз подчеркнем, что подлинное чувство благоговения вызывает у автора дворец только в связи с тем, что здесь останавливалась в 1787 г. Екатерина Великая, а само строение служит «твердым трофеем славы Российской Державы» [Сумароков, 2012, с. 135]. Также Сумароков «воздвигает “мысленный монумент” императрице в деревне Скели. <...> Мысль о памятнике возникает и в Бахчисарае» [Сумароков, 2022, с. 10]. Примечательно, что путешественник не был лично знаком с императрицей, но именно чувства благодарности государыне и любви к отечеству заставляют его проливать искренние слезы радости только при мысли о Екатерине II: «однако я росс, я гражданин, то слезы сии суть слезы благодарности» [Сумароков, 2022, с. 46].

Сумароков много рассуждает о «мудрой государыне», ставя ей в заслугу покорение Крыма в отместку за «поругание венценосцев» российских. Однако тут же останавливает себя на мысли о характере мести: «Отомстила, говорю, но чем? – Пролила ли кровь врагов? Обратила ли в пепел их веси? Или прежде бывших победителей претворила в невольников?» [Сумароков, 2022, с. 112]. После ряда риторических вопросов он приходит к выводу о том, что Екатерина была наделена одной из главных христианских добродетелей – любовью к врагам. По словам путешественника, милость к побежденным проявилась в том, что императрица утвердила «их спокойствие» и превратила из врагов в «блаженствующих своих чад» [Сумароков, 2022, с. 112]. В завершение Сумароков с горечью отмечает, что памятник Екатерине в Бахчисарае в знак благодарности поставят потомки, а не его поколение.

Как мы уже отмечали ранее, «пафос государственной пользы» [Соловьев, 2011, с. 12] отличает травелог П.И. Сумарокова от других сентиментальных путешествий того времени. Особенно во время второй поездки в Крым путешественник много рассуждает о своей миссии, об ответственности перед монархом и народом; об

идеальном судье говорит так: «...он есть безвластное лицо, слуга своих сограждан и отголосок лишь правосудия» [Сумароков, 2022, с. 97]. О том, что автор – патриот и сторонник русской культуры, читатель узнает в самом начале второго травелога, когда Сумароков отстаивает преимущества российского театра в светском обществе. Искренне радуется путешественник и по дороге в Крым, когда узнает, что один из протопресвитеров в Харькове сам воспитывает «двенадцать благородных отроков», не прибегая к помощи иностранных гувернеров. Сумароков желает, чтобы этому примеру последовали многие другие в России; и в таком случае юноши «наполнялись бы природным своей страны духом, чуждые и вредные правила не поселялись бы в младых их сердцах», а Россия бы увидела истинных сынов отечества, а не «приемышей» [Сумароков, 2022, с. 62].

Услышав на улице «с полдюжины музыкантов», Сумароков с любопытством начинает расспрашивать понимающего по-русски мурзу не только о предстоящей татарской свадьбе, но и в целом о воспитании юношей и девушек. Путешественник узнает о практике аталычества, которая широко распространена среди крымских татар. Суть ее состоит в том, что мурза при рождении сына или дочери отдает их на воспитание в небогатую семью. Таким способом «низшее состояние заглушает в юном сердце тщеславие и изобилие, породю приуготованные» [Сумароков, 2022, с. 117]. Подобную практику «чужой» культуры Сумароков признает весьма полезной и соглашается с тем, что детей привилегированных сословий и у нас в России портят «титла отцов, ласкательства (лесть) посторонних, и повсеместная перед глазами роскошь» [Сумароков, 2022, с. 117].

В подробностях рассказывает Сумароков со слов мурзы о приготовлениях к свадьбе, сватовстве, обязанностях поверенных (т.е. свидетелей): «В среду, при половине дня, отправленные по четыре человека вопрошать о согласии соединяющихся, являются в мечеть, где мулла, записав приданое, равно положенную сумму на случай развода, совершает с поверенными особами обряд из Алькорана» [Сумароков, 2022, с. 118]. В красках описывает путешественник и саму широкую свадьбу, а также рассказывает читателю о том, как проходит первая ночь брачующихся, завершая повествование в духе сентиментализма (с установкой на «приятный слог» [Соловьев, 2011, с. 2]): «Заря, спустившая розовый покров на таинство любви, заря ее и пробуждает. Новобрачный, в сей токмо день при первых лучах солнца, должен против желания оставить

объятия своей супруги и идти в мечеть...» [Сумароков, 2022, с. 118]. Узнает Сумароков и то, что весь описываемый обряд, учитывая многоженство мусульман, совершается только лишь при сочетании «с девицами» [Сумароков, 2022, с. 120]. Подобные примеры в книге отечественного путешественника демонстрируют синтез документализма и беллетристики. Автор с точностью фиксирует увиденное (обряды, привычки, будничные заботы местных жителей), но в то же время заметно и субъективное восприятие действительности.

Путешествие и знакомство с традициями «чужой» культуры становятся стимулом для раскрытия внутреннего мира автора, поводом для размышлений о воспитании или нравственности. Не оправдывая многоженство, Сумароков разделяет некоторые взгляды татар в отношении брака; например, соглашается с тем, что мужчина должен быть главою в семье, и критикует европейцев, «которые проповедают о равенстве в супружестве» [Сумароков, 2022, с. 120]. Не умаляя заслуг европейской культуры, путешественник приходит к следующему выводу: «Нравы суть основания общего спокойствия, бессильны законы искоренить зло, когда оно в сердцах гнездиться будет. <...> восточные народы сохранили с твердостью, касающееся до их веры, обрядов и обыкновений» [Сумароков, 2022, с. 89]. Причину этого автор видит в несмешении «родов» и отчасти в отсутствии просвещения, которое «ведет очередь порокам». Сумароков подчеркивает, что образованному европейцу есть чему поучиться у восточных народов, особенно по части нравственности.

Посетил путешественник в Бахчисарае и другие места, связанные с культурой крымских татар: *сафьянные заводы, фонтаны, мечети, училище, кладбище, бани*. В магометанском училище, например, Сумарокова смутило то, что книга при чтении была повернута к ученику вверх ногами. Узнав, что дело в татарских обычаях, автор категорично утверждает: «Похвально держаться старинных своих обрядов, и на обезьян не походить; но полезное невыгодному всегда предпочитать должно» [Сумароков, 2012, с. 138]. Продолжая познавать «чужую» культуру через призму «своей», автор рассматривает мавзолей на ханском кладбище, а также сравнивает русскую баню с татарской, подчеркивая, что последняя топится снизу. Побывал Сумароков и в мечети на «магометанском богослужении», которое в подробностях описал на страницах первого травелога: «Сперва началось общее моление; татары, стоявшие правильными рядами, падали на колени, шепта-

ли, смотря в руки, поглаживали бороды, иногда вставали, кричали миром, и все это отправлялось с великим благочестием» [Сумароков, 2012, с. 136].

Отдельного внимания читателя заслуживает восприятие путешественником молитвы дервишей, которую, например, образованный европеец Шарль Жильбер Ромм, посетивший Тавриду в конце XVIII в., сравнил с лаем собак [Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм ... , 2011, с. 84]. В травелогe отечественного путешественника представлен совершенно иной взгляд на чужие традиции и обычаи. Подчеркивая необычность и странность обряда («глаза их уводили под лоб»), хрипение и звон ударов сопровождали ритуал дервишей, а на устах появлялась пена), Сумароков избегает ироничных или уничижительных фраз, а рассуждает о том, что же угодно Богу: «Он не изнурения или мучения, а дел требует. Разные народы, разные обычаи! Что одному кажется смешным, в том другой важность обретает <...>. Общего добра и худа нет, цель же каждого одинакова и та же; всякий ищет познать своего Творца, смириться пред ним, и принести Ему в благодарение какою-либо жертву» [Сумароков, 2012, с. 136–137].

В этом отрывке заметно, как автор пытается преодолеть культурные и этнические барьеры с помощью базовых ценностей всех народов. Заметим, что подобная традиция была свойственна эпохе, когда «просветительский вектор мотивировал автора и читателя преодолевать межкультурные границы и примирять противоречия между “своим” и “чужим” на основе универсальных ценностей» [Галушко, 2022, с. 13].

Крым оказался для Сумарокова, в отличие от французского путешественника Ш.Ж. Ромма, «чужим» пространством не в политическом или географическом смысле, но в культурном отношении, то есть *за границей* «своей» отечественной культуры. И задача Сумарокова состояла не в том, чтобы просто показать, как живут «другие» на завоеванном полуострове, но преодолеть эту ментальную границу. И надо заметить, что автору это удается не только по той причине, что он апеллирует к универсальным ценностям, важным для любого народа, но и потому, что само пространство, крымская земля, уже является местом, где преодолевается чуждость и «чужое» становится «своим». С воодушевлением описывает Сумароков мечети или Ханский дворец, а также греческие церкви, где богослужение ведется на двух языках.

Подчеркивая культурный синтез полуострова, Сумароков рассказывает о *христианских и иудейских достопримечательностях*, которых в Бахчисарае намного меньше, чем мусульманских.

Поразила путешественника расположенная внутри «каменной утесистой горы» греческая церковь во имя Успения Богородицы, особенно деревянный переход между кельями, который «совсем выдался от горы и висит на такой высоте, будучи только поддерживаем утвержденными с низу горы подпорами» [Сумароков, 2012, с. 137–138]. Несмотря на это, храм действующий и в нем по праздникам проходят богослужения.

Посещает Сумароков и Чуфут-Кале, «то есть, Жидовский город», как называет его путешественник – «пещерный город» на юго-восточной окраине Бахчисарая, который населяют крымские евреи – караимы [Сумароков, 2012, с. 139]. Как и в случае с греческой церковью, изумляет автора местоположение городка: «...строения приводят в крайнее изумление; <...> они, повисшие над пропастью, ежеминутно угрожают своим обрушением» [Сумароков, 2012, с. 140].

Подобные виды наталкивают Сумарокова на мысль о величии природы: «Все творения смертных суть мелочные, бранные и поддельные, твои же величественны, тверды и настоящие подлинники» [Сумароков, 2012, с. 141]. Восторгаясь тем, что природа сама сделала этот остров неприступным, путешественник философствует о подлинном и мнимом величии. *Всё естественное*, первозданное отражает подлинное величие; *искусственное*, сделанное руками человека – ложное, мнимое. В этом проявляется особенность сентиментальной прозы того времени – восхваление «естественного человека» и мечта об «обретении счастья, основанного на любви, близости к природе и литературных занятиях» [Соловьев, 2011, с. 8].

Восторгается первозданной природой Бахчисарая Сумароков и во время второго путешествия; описание пространства начинается с ряда риторических вопросов и восклицаний: «Кто может представить это ущелье между двух утесных гор <...>? Какая живопись изобразит извивающиеся по утесам поверх строений ужащающие дорожки?» [Сумароков, 2022, с. 108]. Заметим, что ведущим приемом вновь выступает антитеза: величие природы противопоставляется силе искусства, которое не способно выразить всю естественную красоту окружающего мира; в завершение автор восклицает: «Поистине Бахчисарай есть образчик своеволия и чудесности природы!» [Сумароков, 2022, с. 108]. Примечатель-

но, что во многих крымских городах путешественник забирается на высокую гору, чтобы осмотреть местность с высоты птичьего полета, не является исключением и описание еврейского города Чуфут-Кале.

Много рассуждает Сумароков о различиях крымских евреев и иудеев вообще: караимы знают только татарский язык, жен содержат также по татарскому обычаю, одежда, некоторые привычки – всё схоже с крымскими татарами. Подобная культурная диффузия, безусловно, объясняется географическим фактором. О различиях в религиозной практике караимов Сумароков пишет следующее: «Закон их, хотя и есть закон Моисеев, но они более всех израильтян держатся ветхого завета и следующими разнятся от них в нем несогласии». И далее перечисляет особенности крымских евреев: летоисчисление, отсутствие Талмуда, празднование дня обретения Библии в пятидесятый по Пасхе день в воскресенье, а не в любой другой, различия в уставах, разрешение на употребление рыбы с кровью и выполнение некоторых домашних дел в субботу и т.п. [Сумароков, 2012, с. 142]. Узнает читатель о том, что синагогу караимы называют кенасса, что, несмотря на большую потребность в воде, живут они очень чисто и «в довольном изобилии, и многие из них весьма достаточны; чему единственной причиной есть близкое от них расстояние Бакчисарая» [Сумароков, 2012, с. 142–143].

Заключение. В литературных путешествиях П.И. Сумарокова отразились черты, характерные для крымских травелогов конца XVIII – начала XIX в.: возрастающий интерес к полуденному краю, соприкосновение с экзотическим пространством и его освоение; осмысление современного состояния Тавриды через призму истории, античные аллюзии; неоднократное упоминание о культурном и религиозном синтезе Крыма, что связано с множеством этносов, проживающих на полуострове.

В ходе анализа было выявлено, что описание Бахчисарая – бывшей столицы Крымского ханства – помогает, с одной стороны, раскрыть религиозные и этнические особенности города, с другой стороны, понять авторский взгляд на вещи по характерному для любого травелога принципу «свое» – «чужое». Бахчисарай воспринимается путешественником как некий трофей, доставшийся России после присоединения Крыма, и автор настаивает на сближении культур победителей и побежденных, ничуть не умаляя заслуг последней. Заметно стремление Сумарокова преодолеть культурные и этнические барьеры, примирить «свое» и «чужое» с

помощью базовых ценностей всех народов. Сакрализация пространства связана с тем, что именно в Бахчисарае во время своего крымского вояжа останавливалась премудрая Законодательница Екатерина II.

Исследование также показало, что любой травелог, а в особенности сентиментальный, отражает личные (субъективные) впечатления от поездки, мировоззренческие и идеологические установки автора и транслирует стереотипы и общие (иногда национальные) представления людей о конкретной местности. Обращение к сентиментальным путешествиям П.И. Сумарокова и в целом к крымским травелогам конца XVIII – первой трети XIX в. необходимо для того, чтобы понять генезис мифологем и культурных явлений, связанных с Тавридой.

Список литературы

Галушко А.Д. Концепт «оазис» в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 30–40.

Галушко А.Д. «Свое» – «чужое» в описании Тавриды П.И. Сумароковым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 3–16.

Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. – 2-е изд., доп. – Магдань : Новое Время, 2020. – 480 с.

Жданов С.С. Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 5. – С. 215–239. – DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239

Каганова Е.А. Крымский миф в травелогах первой трети XIX века // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2019. – № 1 (11). – С. 150–153.

Киселев В.С., Васильева Т.А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А.И. Левшин) // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 2. – С. 20–42. – DOI: 10.17223/24099554/4/2

Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / вступит. статья Т.А. Прохоровой; пер. с англ., комм. Т.А. Прохоровой, О.В. Широкова; предисл. Э.Б. Петровой; под ред. Э.Б. Петровой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2016. – 224 с.

Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. Путешествие в Крым в 1786 году / под. ред. Э.Б. Петровой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. – 168 с.

Крюкова Н.В. Павел Сумароков о Крыме (на материале «Путешествия по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году») // Ломоносовские чтения – 2018 : сборник материалов ежегодной научной конференции, Севастополь, 12 апреля 2018 года /

**«Образчик своеволия и чудесности природы»: образ Бахчисарая
в крымских травелогах П.И. Сумарокова**

под редакцией: И.С. Кусова, С.И. Рубцовой, Ю.Л. Ситько, Е.И. Сорокиной, К.В. Рунковского, Л.И. Теплоевой. – Севастополь : Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. – С. 21–22.

Куликова А.А. Путевая проза в русской литературе конца XVIII – начала XIX века // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2008. – № 4(60). – С. 241–243.

Курьянов С.О., Рыжман Я.В. Крымский миф в сентиментальных произведениях П.И. Сумарокова // Вопросы русской литературы. – 2014. – № 30 (87). – С. 216–222.

Мамуркина О.В. «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова: специфика пейзажных описаний // Русский травелог XVIII–XX веков. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. – С. 224–232.

Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824) / изд. подгот.: С.Д. Дзюбанов, Г.Г. Мартынов. Перепечат. с изд. 1867 г. с испр. и доп. – Санкт-Петербург : Русская симфония, 2006. – 368 с.

Никульшин Н.В. «Досуги крымского судьи» П.И. Сумарокова начала XIX века: первый путеводитель по Крыму // Книга в путешествии и путешествие в книге : тезисы докладов XXI научно-практической конференции «Музейные библиотеки в современном обществе», Москва, 09–10 апреля 2024 года. – Москва, 2024. – С. 50–51.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва : А ТЕМП, 2004. – 944 с.

Пантелеймонова Т.В. Черты сентиментализма в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова // Молодая наука : сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых, Ялта, 27–28 октября 2017 года / научный редактор Н.Г. Гончарова. – Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография Ариал», 2017. – С. 356–357.

Раков А.А. Образы старинных русских городов в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова (Феодосия) // Genius Loci: Образы старинных русских городов в творчестве русских и зарубежных писателей / под ред. Н.М. Ильченко, Ю.А. Марининой. – Нижний Новгород : Мининский университет, 2023. – С. 60–64.

Ситникова Г.В., Руднева О.Н. «Вот изображение сего обетованного края»: Крым глазами русского путешественника конца XVIII века (к 240-летию присоединения Крыма к России) // Philologos. – 2023. – № 3 (58). – С. 61–67. – DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-61-67

Ситникова Г.В., Руднева О.Н. «Покидаю места Петровы и пускаюсь в страну великой Екатерины, – здесь победы, там Премудрость»: крымский судья П.И. Сумароков о втором путешествии в Тавриду (от слова к «жесту») // Philologos. – 2024. – № 3 (62). – С. 94–99. – DOI: 10.24888/2079-2638-2024-62-3-94-99

Сластен А.Ю. «Путешествие по Крыму и Бессарабии» П.И. Сумарокова как путевой дневник сентиментального чиновника // INITIUM. Художественная

литература: опыт современного прочтения : сборник статей молодых ученых. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2024. – С. 67–72.

Соловьев А.Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с.

Сумароков П.И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова / предисл. [с. 3–32] и комм. Т.М. Фадеевой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2022. – 280 с.

Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / предисл. [с. 3–40] и комм. Т.М. Фадеевой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2012. – 208 с.

Фарафонова О.А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду») // Научный диалог. – 2017. – № 7. – С. 70–82. – DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82

Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / пер. Л. Соловьёв. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. – 271 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : [в 86 т.]. – Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1901. – Т. 63. – 499 с.